

Шэнь Жаньсинь был вне себя от ярости, но боялся, что громкий крик привлечет остальных, поэтому лишь прошипел сквозь зубы:

— Какого черта ты творишь?!

Лу Чжи тихо рассмеялся. Вибрация его грудной клетки легко передалась Шэнь Жаньсиню, отчего у того внутри всё отозвалось неприятным онемением. В воздухе разлился густой аромат крепкого алкоголя. Лицо Шэнь Жаньсиня побелело:

— Лу Чжи! Убери... убери свои феромоны!

Лу Чжи на мгновение замер. Он в очередной раз убедился, что их феромоны с Шэнь Жаньсинем конфликтуют: Шэнь Жаньсинь не возбуждается от его запаха, а лишь испытывает мучительную боль.

— Я не могу смириться... — Лу Чжи рывком перевернул Шэнь Жаньсиня и в темноте, прямо поверх блокирующего пластыря, впился зубами в его железу.

Шэнь Жаньсинь застыл, словно его парализовало, не смея даже пошевелиться.

— Лу Чжи, приди в себя... Я Альфа. Ты хоть понимаешь, к каким последствиям приведет, если ты прокусишь мою железу?

— Понимаю, — Лу Чжи сделал глубокий вдох, и его дрожащее дыхание опалило железу. — Я причиню тебе боль.

Он с трудом сдерживался. Его челюсти мелко дрожали, и лишь нечеловеческим усилием воли он заставлял себя не сжать зубы до конца. Шэнь Жаньсинь отчаянно сопротивлялся, но Лу Чжи крепко держал его за талию. Одной рукой он подхватил красную шелковую ленту, которой были связаны запястья Шэнь Жаньсиня, обмотал её вокруг них несколько раз и быстро затянул узел.

— Не двигайся, — прошептал Лу Чжи. — Учитель Шэнь, от вас так приятно пахнет.

Шэнь Жаньсинь стиснул зубы:

— Псих!

Будучи такими же Альфами, его феромоны для Шэнь Жаньсиня отнюдь не были приятными. Феромоны Альфа по своей природе враждебны: Шэнь Жаньсинь подавлялся запахом Лу Чжи, а того, в свою очередь, раздражал запах Шэнь Жаньсиня.

Лу Чжи усмехнулся:

— Учитель Шэнь, прошу прощения, но я позволю себе небольшую дерзость.

Шэнь Жаньсинь позеленел от злости, чувствуя давление на поясницу, и не смог вымолвить ни слова. Это была не дерзость, это было наглое оскорбление!

— Учитель Шэнь, не могли бы вы кое-что достать для меня? — прошептал Лу Чжи ему на ухо.
— Да, это в кармане моих брюк.

Шэнь Жаньсинь набрался храбрости:

— Достань сам!

— У меня нет свободных рук, — невинно ответил Лу Чжи. — Одна рука держит вас, Учитель, вторая фиксирует вашу талию, чтобы вы не ерзали. Мне очень тяжело.

— Тогда отпусти меня! — Шэнь Жаньсинь был на пределе.

— Достанете — отпущу.

Шэнь Жаньсинь молчал. Лучше покончить с этим быстро. Если их в таком виде застанет Чэн Чэн, это будет катастрофа — он никогда не сможет завершить сюжет! Подумав об этом, он был вынужден смириться:

— Тогда развяжи мне руки! Как я могу что-то достать, если они связаны?!

— Развяжу — убежишь, — уверенно заявил Лу Чжи. — Раз нет рук, используй рот, Учитель Шэнь.

Шэнь Жаньсинь:

— ...Не переходи границы.

— Разве ваш рот не всегда был таким острым на язык? — Лу Чжи склонил голову. — Учитель Шэнь, поторопитесь. Если кто-то увидит вас в таком положении, будет нехорошо.

Шэнь Жаньсинь присел и, приложив немало усилий, зубами вытянул из кармана широких спортивных брюк Лу Чжи какой-то предмет. Судя по ощущениям, это был маленький пластиковый пакетик. Лу Чжи наклонился, прикусил другой край пакета и легко надорвал его.

В ту же секунду в воздухе разлился запах: эбеновое дерево и пихта в сочетании с нотками свежего апельсина. Он пах точно так же, как и его собственные феромоны! Пока Шэнь Жаньсинь в недоумении размышлял, что это, какая-то жидкость потекла из пакетика ему в рот. Шэнь Жаньсинь мгновенно распознал вкус... это была горчица.

В памяти всплыли образы: общественный туалет, отброшенный в сторону чемодан, разбросанные журналы, розовая упаковка... Его словно ударило током. Он тут же выплюнул содержимое:

— Лу Чжи, ты, мать твою, посмел...

Договорить он не успел: Лу Чжи схватил его за шею и, не слушая возражений, прильнул к его

губам. Вкус горчицы заполнил пространство. Шэнь Жаньсинь закашлялся, и Лу Чжи отстранился, похлопав его по спине.

— ...Учитель Шэнь, вы такой слабый?

Шэнь Жаньсинь, кипя от ярости, с силой толкнул его:

— Проваливай!

Плечо юноши врезалось в шкаф с глухим стуком. Чэн Чэн, который всё еще искал их, тут же среагировал на шум, с помрачневшим лицом подбежал и распахнул дверцы шкафа!

Перед ним предстал Шэнь Жаньсинь: он прижимал руку к шее, согнувшись в три погибели, а в его прекрасных глазах стояли слезы от сильного кашля. Губы были ярко-красными и припухшими, а в уголке даже выступила кровь. Блокирующий пластырь на железе сбился и помялся, пропитавшись резким запахом алкоголя. Выглядел он так, будто его только что жестоко изнасиловали.

Лу Чжи с довольной улыбкой держал Шэнь Жаньсиня за запястье, торжествующе глядя на Чэн Чэна.

— Мы тут с Учителем Шэнем немного пошутили, но, кажется, зашли слишком далеко. Учитель Шэнь, вы в порядке?

Шэнь Жаньсинь был готов взорваться от злости, но перед камерами обязан был сохранять улыбку и придерживаться образа человека, который враждует с Лу Чжи.

— В порядке. Что со мной станется? Силы у молодого господина Лу не так уж много.

Лу Чжи прищурился:

— Рад, что вам понравилось.

Шэнь Жаньсинь выдавил улыбку:

— Ха-ха, понравилось, просто до безумия понравилось.

Чэн Чэн сжал ладони, попросил у Режиссера Чэня новый пластырь и протянул его Шэнь Жаньсиню:

— А-Жань, приведи себя в порядок, мы подождем.

Шэнь Жаньсинь наконец выдохнул. Чем больше он смотрел на Чэн Чэна, тем больше тот ему нравился. Неудивительно, что он стал всеобщим любимцем — с таким характером кто может остаться равнодушным?!

Шэнь Жаньсинь тихо поблагодарил его и с пластырем в руках скрылся в туалете.

Оставшаяся часть игры в прятки ничем не отличалась от предыдущих раундов: Чэн Чэн не спускал глаз с Лу Чжи, словно насадка, оберегающая цыпленка, и не подпускал этого серебряноволосого мальчишку к Шэнь Жаньсиню ни на шаг.

Лу Чжи был последним водящим. С красной лентой в руках он направился к Шэнь Жаньсиню. Режиссер Чэнь, стоявший в стороне, мягко напомнил:

— Господин Лу, этот реквизит можно использовать только на омегах...

Лу Чжи проигнорировал слова Режиссера Чэня, подошел к Шэнь Жаньсиню и завязал ленту у него на шее. Он смотрел на Шэнь Жаньсиня, и в его стеклянных глазах читалась пугающая агрессия. Шэнь Жаньсинь замер. Красная лента на его шее начала медленно затягиваться, и только когда он почувствовал, что ему становится трудно дышать, её резко ослабили.

Лу Чжи усмехнулся, повернулся и громко объявил:

— Я сдаюсь.

Режиссер Чэнь и операторы все еще находились под впечатлением от атмосферы, созданной Шэнь Жаньсинем и Лу Чжи, и долго не могли прийти в себя. Казалось бы, два Альфы — с биологической точки зрения, два существа, не способных испытывать друг к другу влечение. Но только что взгляд, которым Лу Чжи смотрел на Шэнь Жаньсиня, напоминал взгляд одинокого вдовца, ждавшего возлюбленного тысячу лет. В этом взгляде при встрече читались и безумная страсть, и ожидание, и любовь, и ненависть.

Все это было настолько ярко, что бросало в дрожь.

<http://bllate.org/book/22429/2355126>